

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО КAVКАЗА)© 2008 г. Х. М. Думанов¹, А. И. Першиц²

Юридическая этнология – пограничная научная дисциплина между этнологией и правоведением, которая до сих пор не получила у нас должного развития. Авторы стараются показать то, что для некоторых регионов РФ, и в частности Северного Кавказа, она имеет немаловажное значение.

Юридическую этнологию, или этнологию права, в нашей стране никогда не объявляли лженаукой, как это случилось с генетикой и кибернетикой. Но в то же время ничего не делалось для ее развития. Ни в Институте этнологии и антропологии, ни в Институте государства и права РАН, ни в других научных учреждениях России не было, да и нет подразделений, исследующих эту тематику. Связи между этнологами и правоведами эпизодичны. Ученых, которые за последние полвека проявили к юридической этнологии видимый интерес, можно пересчитать по пальцам.

Между тем за рубежом, особенно в США, Канаде и Англии, выходили и продолжают выходить десятки работ по этнологии права³. Да и у нас к ней обращаются почти все, кто занимается общей теорией и историей права. Без этнологического угла зрения не понять ни становления права (в том числе его вычленения из других поведенческих норм), ни ранних этапов его развития, ни некоторых аспектов правотворческой деятельности. Не случайно в 70–80-е годы XX в. стали раздаваться призывы к оживлению юридической этнологии, а выделение А.И. Першицем понятия-термина “первобытная монорма”⁴ (как синкретического соединения поведенческих норм) встретило живой отклик в теоретическом правоведении⁵.

Возникновение и бурное развитие этой пограничной дисциплины между этнологией и юриспруденцией пришлось на время колониальных захватов и освоения европейцами колонизованных земель. Колониальной администрации (особенно при системе косвенного или непрямого управления) необходимы были хотя бы элементарные сведения о местных юридических обычаях и так называемых традиционных системах права. Но и после распада колониальной системы интерес этнологии права сохранился, причем интерес не только теоретический и исторический, но и практический (более всего в полиэтничных и поликонфессиональных странах). Существующая при Международном союзе антропологических и этнологических наук Комиссия по обычному праву и правовому плюрализму осенью 1997 г. проводила XI конгресс в Москве. Можно надеяться, что это дало стимул к оживлению этнологии права в нашей стране. Предлагаемая статья посвящена не роли юридической этнологии в теории и истории права, а прикладному значению рассматриваемой “мостиковой” дисциплины. В качестве этноправового пространства взят Северный Кавказ как один из самых многонациональных регионов страны с его никогда не исчезавшим полностью, а теперь даже отчасти возрождающимся полиюридизмом.

До Октября на Северном Кавказе сосуществовали три системы права: адаты, шариат (у преобладающих в регионе мусульман) и российские законы. Имперская администрация допускала обе первых системы, исключив лишь уголовную сферу шариата, отличающуюся поистине средневековой жестокостью (лишение руки за воровство, побиевание камнями или другой способ умерщвления женщин за прелюбодеяние и т.п.). На эту сферу было распространено российское законодательство. Последнее медленно и постепенно распространялось также в гражданском праве, однако применялось только по желанию одной или обеих тяжущихся сторон. Это был разумный, реформистский путь, учитывающий и местный менталитет, и дух законов цивилизованных обществ.

На другой путь вступили власти после Октября. Как и во многих иных областях культуры, на-

¹ Директор Кабардино-Балкарского центра РАН, доктор исторических наук, профессор.

² Главный научный сотрудник того же центра, доктор исторических наук, профессор.

³ Baudouin L. Les aspects generaux de droit prive dans la province du Quebec. Quebec, 1967; Diamond A.S. Primitive Law: Past and Present. L., 1971; Koch K.-F. The Anthropology of Law and Order // Horizons of Anthropology. Chicago, 1975.

⁴ См.: Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979.

⁵ Венгеров А.Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки // Сов. гос. и право. 1983. № 3; Туманов В.А. Вступительная статья // Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986; Алексеев С.С. Теория права. М., 1995; Венгеров А.Б. Теория права. Т. 1. М., 1996.

чалась крутая ломка местных традиций. В 1925 г. было запрещено судопроизводство по шариату, несколькими годами позднее и судопроизводство по адатам. С хранителями и ревнителями старых юридических норм, преимущественно самым старшим поколением, расправлялись просто: высеяли в отдаленные северные районы, чтобы у себя на родине они не мешали строить “новую жизнь”. В результате подобных мер одни прежние юридические обычаи стали исчезать, другие ушли в подполье, иные видоизменились, приняв как бы компромиссный вид. Разрушение традиций без учета данных и возможностей этнологии права оказалось не только варварским, но и непродуктивным подходом к практике полиюридизма. Это стало особенно ясно теперь, после либерализации общественно-политической жизни, а затем и событий на Северном Кавказе.

Каковы же возможности этой науки?

Народы Северного Кавказа, в свое время только вступившие на путь капиталистического развития, до сих пор сохранили многое от предгосударственного или раннегосударственного быта. Сюда относится прежде всего выраженная родственная организация и родственная солидарность. Такая организация, как правило, возникает (или сохраняется) в осложненной природной среде – в горах, предгорьях, на аридных землях, где недостаточны территориальные связи и слаба государственная власть. Поэтому здесь немалую роль играют узы родства. Разделившиеся семьи сохраняют определенную хозяйственную и идеологическую (подчас и территориальную) общность, не исчезающую полностью и при дальнейшем почковании родственных групп. Создаются как бы концентрические круги родственных образований. Чем уже круг, тем теснее родство и соответственно определяемая им общность; чем он шире, тем эта общность ограниченнее. Так, для родственных групп первого и второго порядков характерны более или менее выраженное соседство и порой остатки какой-либо совместной собственности (лесной участок, мельница и т.п.), не говоря уже о материальной взаимопомощи; для более широких, – как правило, экзогамия, правообязанность кровомщения, культ общих предков-родоначальников, зачастую эпонимов, т.е. тех, кто дал группе ее название. Большинство родственных групп имеет своих глав, обычно из числа старейших дееспособных мужчин, собственные советы и суды, время от времени сборы на съезды, отличные от территориально-общинных⁶.

В западной литературе такая система получила название патрилиниджной (основанной на ли-

ниях родства по отцу), в отечественной – патронимической (основанной на наименованиях по общему отцу) или фамильно-патронимической. В более или менее выраженном виде она свойственна всем народам Северного Кавказа. Различия зафиксированы лишь в количестве звеньев (обычно от двух до четырех) и привязке тех или иных общественных институтов к определенным звеньям организации. Например, экзогамия, кровная месть, судебная власть и т.д. могут быть прерогативой лишь патронимии первого порядка, а могут – и самого высокого порядка, т.е. фамилии. Разумеется, у разных народов названия таких групп различны. Скажем, самый широкий родственный круг у кабардинцев называется *Илэнкь* у осетин – *мыггаг*, у чеченцев и многих народов Дагестана, у которых он в определенной мере уже сопряжен с территориальной общностью, соответственно *тайп* и *тухум*.

Советская власть с самого начала боролась с фамильно-патронимической организацией, видя в ней своего конкурента. В 1929 г. в постановлении ЦК ВКП(б) “О работе парторганизаций нацобластей Северного Кавказа” было обращено внимание на сопряжение “родовых связей и традиций” и “влияния кулачества”⁷. С этого времени северокавказская пресса и периодика буквально изобиловали выпадами против родственной солидарности. Высказывались мысли о недопустимости кровного братства между бедняком и “кулаком”, комсомольцем и муллою, партийцем и белым офицером, принадлежащих к одной фамилии, вообще, о несовместимости родственных и партийно-государственных интересов. В Чечне даже возникло особое словечко-клеймо – “тайповство” (“тайповщина”). Позднее тот же социальный заказ выполняли, например, М.А. Мамакаев в Чечено-Ингушетии и С.Д. Кулов в Северной Осетии. Да и в дальнейшем вплоть до середины 80-х годов в научной и пропагандистской литературе были нередки нападки на родственную солидарность у различных народов Северного Кавказа.

Особенно досталось связанному с фамильно-патронимической организацией и предписанному адатами уважению к старикам, граничащему с их почитанием – геронтоимией⁸. Как известно, эта традиция восходит к первобытному стариковластию-геронтократии, но и в постепервобытных обществах нередко сохранялись ее значительные остатки: главенство старших мужчин в семейных и родственных структурах, их преимущественная роль в судопроизводстве по обычному праву, при отправлении религиозных культов и т.п. Сохра-

⁶ См.: Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963; Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX–XX в. М., 1982.

⁷ См.: Революция и горец. 1932. № 8–9.

⁸ См.: Першиц А.И., Смирнова Я.С. Геронтоимия – почитание старших // Природа. 1986. № 1.

нялась обычно и геронтофобия, хотя некоторым ее нормам пришлось уступить место другим, связанным с социальной иерархией или профессиональной пригодностью. Еще до гонений второй половины 30-х годов на страницах местной печати появились резкие выпады против того, что стало называться новоявленным словечком “стариковство”. Отмечалась приверженность стариков к традиционному правосознанию, утверждалось, что почитают только богатых и знатных стариков, высмеивался сам этикет обращения со старшими. Прямо указывалось на то, что почитаемый старик – это, как правило, только так называемый почетный старик, например, судья или глава фамильно-патронимической группы – “родовой авторитет”⁹.

Одно из самых ярких проявлений фамильно-патронимической солидарности – кровная, или родовая месть. Адатами разных народов Северного Кавказа точно определены юридическая правомерность мести, круг мстителей и ответчиков за кровь или другой ущерб, способы примирения кровников, в том числе размеры компенсаций пострадавшей стороне. По шариату мести подлежит только сам виновный; кроме того, рекомендуется не месть, а получение компенсаций. Российское законодательство рассматривало кровную месть как умышленное убийство, так же отнеслось к ней и советское законодательство. Однако задолго до Октября в Дагестане, где ислам пустил наиболее глубокие корни, преобладали компенсации. На западе Северного Кавказа, особенно у кабардинцев с их более развитым общественно-политическим строем, дело обстояло сходным образом. Главным очагом кровомщения была центральная часть региона – Чечня, Ингушетия и Осетия, в особенности горная. Здесь мстили за все: за убийство, независимо от его мотивов, увечье (вопреки рекомендуемому шариатом принципу талиона), обиду, тем более нанесенную женщине. В этой части региона, вопреки преследованию по закону и многократным попыткам примирительных комиссий уладить старые распри между фамильно-патронимическими группами, кровная месть не умерла и до настоящего времени.

Другое проявление фамильно-патронимической организации, свойственная ей повсюду, кроме Дагестана, – экзогамия. Шариат запрещает браки с кровными родственниками до четвертого колена, церковные каноны – с родственниками до седьмого колена, хотя ко второй половине XIX в. церковь уже ограничивалась менее строгими запретами. Наиболее жестки были адаты, поддерживавшие солидарность фамильно-патронимических структур запрещением браков даже между

однофамильцами (подчас и однофамильцами разных национальностей или разнофамильцами, по преданию восходящими к одному корню). В то же время в силу взаимодействия адатов и шариата у некоторых народов адаты смягчились. Так, у кабардинцев не допускались браки только между родственниками до седьмого колена, у кубанских ногайцев – до шестого колена, у ногайцев Дагестана в одних местах экзогамны были все крупные фамильно-патронимические объединения, в других – только мелкие родственные группы. В пореформенное, советское и постсоветское время некоторые виды экзогамии (матрилинейная, локальная) стали намного менее строги, но патрилинейная экзогамия сохранилась в прежнем виде. Случаи пренебрежения ею бывают (особенно в городах), но они очень нечасты¹⁰.

Нарушителей экзогамии ждут неприятности. Хотя фамильно-патронимический суд может ограничиться порицанием, в большинстве случаев их подвергают бойкоту и в конце концов вынуждают покинуть родные места. Обычно нарушители уезжают в города или за пределы своей этнической территории.

Данные о структуре и функциях фамильно-патронимической организации народов Северного Кавказа, которыми располагает этнология права, несомненно, имеют практическое значение. Вековые традиции, характерные для этого региона (родственная солидарность и такие ее проявления, как почитание глав родственных групп, уважение старших вообще и т.п.), хотя и ослабели с ростом городов и урбанизацией сельских районов, не исчезли совсем. Поэтому многие дела, не представляющие собой серьезной социальной опасности, могут быть улажены фамильно-патронимическими главами, в советах и судах родственных структур, на съездах родни. Скажем, убийцу судят по закону, но с его родственниками, которые также считаются виновными, возможно примирение, и важную роль тут обычно играют старики – главы родственных (или просто сильных и уважаемых) традиционных структур. То же со случаями нарушения экзогамии: как правило, именно за старейшинами остается последнее слово в вопросе простить нарушителей или подвергнуть их бойкоту.

Конечно, в таких экстремальных ситуациях, какой была чеченская война, решающее слово принадлежало не уважаемому старику, а полковому командиру. Но в иных ситуациях чеченец, ингуш или осетин далеко не всегда захочет навлечь на себя всеобщее осуждение пренебрежением к мнению почетного старика. Вот более конкретный пример практической пользы, которую мог-

⁹ См.: Советский Юг. 1923. № 245; Революция и горец. 1932. № 8–9.

¹⁰ См.: *Периц А.И.* Первобытность и классовые общества // История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988.

ло бы дать знание местных юридических обычаев. Во время той же чеченской войны приезжие (например, журналисты) имели бы возможность прибегать не к вооруженной охране, а к защите чеченца – члена крупной и сильной фамильно-патримонической структуры. Посягательство на их жизнь или свободу повлекло бы за собой кровнические отношения со стороны его родни, и тогда как боевики, так и мафиозные группировки крепко задумались бы, прежде чем причинить приезжим какой-нибудь вред. Подобная практика была широко известна в прошлом веке на Северном Кавказе, а за его пределами и позднее. Скажем, в Аравии еще в первой четверти нашего века целые купеческие караваны и караваны паломников в священные города Хиджаза доверяли свою жизнь и собственность проводникам-рафикам из могущественного объединения укейлей. Абсолютной гарантии это не давало, но такой гарантии не давала и вооруженная охрана.

Сюда же относятся неродственные, соседско-общинные структуры, организованные по территориальному принципу. Они обладают своими неформальными органами управления и прежде всего своими лидерами (*дэй хасэ* у адыгов). Эти лидеры пользуются огромным авторитетом, часто намного большим, чем главы родственных структур, и в современном быту людям приходится с ними серьезно считаться. Ясно, что и они выносят свои решения совсем не обязательно в соответствии с официально действующим законодательством.

Юридическая этнология располагает данными и о значительно более широких социальных объединениях, нежели родственные или соседские. В Адыгее сохранились остатки бывшего племенного деления на абадзехов, бжедугов, бесленеевцев и т.д. Между ними были и остаются трения из-за официальных постов в республике, распределения материальных благ и т.п. Этот своего рода трайбализм – давнишняя вотчина юридической этнологии: она в свое время подсказывала колониальной администрации как использовать древний принцип “разделяй и властвуй”. Но ведь она же может помочь и в противоположной политике – органичной интеграции этнотерриториальных групп населения. Она предоставляет также конкретные данные о проявлениях и последствиях поликонфессионализма. Это относится, в частности, к современному Дагестану, где идет борьба за влияние между исконными местными шафийитами и муваххидами (ваххабитами), импортировавшими свой сверхфундаментализм из Саудовской Аравии и Пакистана. Эта борьба заметнее у более религиозных аварцев, даргинцев и кумыков, чем, например, у лезгин и лакцев. Априорно можно сказать, что муваххиды более привержены к шариату, шафийиты не порывают и с адатами. Каковы будут некоторые реальные послед-

ствия, скажем, в отношении возрождения шариатских судов? На этот вопрос в состоянии ответить только юридическая этнология.

Не меньшие, если не большие, возможности открывает эта наука в брачно-семейной сфере жизни. В традиционном быту народов Северного Кавказа женщина была резко ограничена в своих имущественных и личностных правах. Сколько бы она ни работала, она считалась иждивенкой отца, мужа, сына. Адаты почти повсеместно не давали ей прав на недвижимое имущество, а движимым имуществом (в частности, скотом) она владела в основном *de jure*. Шариат был либеральнее, но и он давал женщине право на наследование в резко урезанном виде (“Сыну – долю, подобную доле двух дочерей” – Коран, 4, 12). Продвинутое были имперские законы, но редкая горянка (да и ее родня) позволяла себе оскорблять общественное мнение, прибегая к защите российских законов. Дети при разводе принадлежали отцу. Женщина почти никогда не была главой семьи, а если и была (изредка в расширенных семьях), то во внешнем мире семью все равно представлял мужчина – обычно старший из сыновей. Традиционное право ущемляло женщину и в судопроизводстве: в суде ее интересы представлял кто-нибудь из родственников-мужчин, а свидетельство двух женщин приравнивалось к свидетельству одного мужчины.

Существовала “позиционная” иерархия, по которой даже старшая по возрасту женщина считалась “младше” совершеннолетнего мужчины. Наблюдалась черта сегрегации полов. Женщине (помимо определенных случаев) не разрешалось входить на мужскую половину дома, посторонним мужчинам – на женскую. Мужчины и женщины не садились за один стол, а позднее сидели за столом раздельно. Личное покрывало носили только в издавна исламизированных городах Дагестана, но повсеместно женщины должны были покрывать голову, а при старших мужчинах или посторонних также закрывать концом платка рот и нос. Различные проявления северокавказского этикета, во многом сходного у всех местных народов, подчеркивали неполноправное, подчиненное положение горянки. Другое дело, что в общественном быту существовали рыцарственные нормы (частично заимствованные у глубоко феодализированных кабардинцев), предписывавшие оказывать женщине подчеркнутые знаки внимания. Это напоминало известный парадокс европейского средневековья: феодал со всем своим служением “прекрасной даме”, уезжая из дома, надевал на жену “пояс целомудрия”.

На этом фоне трудно было бы ожидать равенства полов при вступлении в брак. За невесту платили брачный выкуп – исторически возмещение за трудовую и детородную силу женщины. Суще-

ствовал он в четырех формах. Первая, санкционированная адатами: все возмещение шло родне невесты, было платой жениха за нее. Вторая, известная уже кодексам древневосточных цивилизаций и санкционированная шариатом: выкуп шел в пользу самой жены и вручался ей или считался долгом мужа жене как ее обеспечение на случай вдовства или развода по инициативе мужа. (“И давайте женам их вено в дар” – Коран, 4, 3). Третья, более всего распространенная, по крайней мере к XIX в.: выкуп делился на две части: одна из них (в литературе обычно “калым”) поступала родне невесты, а другая (в литературе обычно “кебин”) доставалась ей самой. И четвертая – редуцированная и зафиксированная лишь у некоторых народов Дагестана: чисто символический платеж порядка нескольких рублей.

За счет калыма семья невесты собирала ей приданое, входившее как его существенная часть в обзаведение молодой семьи. Бывали, разумеется, злоупотребления, когда получатели калыма не давали приданого. Одно из них отражено в жалобе начальнику Кабардинского округа: “Отец мой, Палуан Карданов, выдал меня за настоящего мужа моего, Уважуко Батова, от которого требует за меня калым в 100 руб., но я не желаю отдавать ему такового ... так как он не справлял никакой одежды”¹¹. Но в большинстве случаев калым был эквивалентен приданому и тем самым небесполезен молодоженам. Что касается кебина, то он был прямо выгоден женщине. Таким образом, уроном чести и достоинства женщины на деле была только первая форма брачного выкупа.

Однако брачный выкуп влек за собой другие, отрицательные последствия. Одно из них – случавшийся большой возрастной разрыв между брачующимися. Бывало, что состоятельные старики женились даже на малолетних девушках (шариат устанавливал минимальный возраст невесты в 9 лет, правда, при наличии признаков половой зрелости). Обычное право таких браков не поощряло, но местами, особенно у степных ногайцев, они были в ходу. Бывало, что малолетнему сыну брали в жены взрослую девушку, используя ее как работницу. По тем же причинам преимущественно в центральной и восточной части региона не было редкостью многоженство (чаще всего двоеженство). А поскольку во всем этом играли свою роль меркантильные расчеты, постольку и сами замужества и женитьбы нередко сопровождались принуждением или воспрепятствованием к вступлению в брак. Правда, шариат требовал согласия на брак и жениха, и невесты. Но в нужных случаях прибегали к адатам. По одному из архивных документов, некий кумык выдал дочь замуж насильно. Возбужденное ею су-

дебное дело проходило в нескольких инстанциях и закончилось определением, что отец “вправе распорядиться дочерью несмотря на ее сопротивление”¹².

Еще более отрицательным проявлением традиционных браков было похищение невест, однако не во всех его формах. Существовали три формы похищения: настоящий насильственный захват девушки без ее согласия и согласия ее семьи (умыкание), похищение с согласия девушки, но вопреки воле ее близких (брак уводом) и фиктивное похищение с ведома и согласия всех заинтересованных лиц (брак уходом). Умыкание могло вызываться разными причинами (оскорбительный отказ при сватовстве, нарушение раньше данного обещания, молодечество), но чаще всего мотивом был высокий, непосильный жениху брачный выкуп. На подвергшейся умыканию, “опозоренной” девушке уже никто не женился, и ее родителям, да и ей самой приходилось давать согласие на брак и снижение выкупа. Брак уводом почти всегда был следствием авторитарной, часто деспотической власти отца невесты. Наконец, брак уходом практиковался в малосостоятельных слоях населения, чтобы таким путем сократить расходы на свадьбу, свадебный дарообмен и т.п. В той или иной степени это сохраняется и сейчас.

Некоторые черты традиционной брачно-семейной практики уже до Октября рассматривались как противоправные действия. Так обстояло дело, например, с первыми двумя формами похищения невест. Адаты карали их повышенным выкупом, штрафами, допускали в ответ на них кровомщение или кровную пеню. Не только умыкание, но и похищение девушки с ее согласия рассматривалось как ее похищение у ее семьи, которая видела в этом урон и карману, и чести. В 1890 г. доверенные от сельских обществ Малой Кабарды постановили: “За увоз недосватанной девицы ... подвергать денежному штрафу жениха (похитителя) в размере 300 руб. и удалению из общества на 3 года”¹³. Шариат также не допускал похищений, муллам запрещалось скреплять такие браки (при Шамиле им в этих случаях зашивали рот). Естественно, умыкание было запрещено и законами Российской империи¹⁴.

В советское время вопросы, связанные с брачно-семейным правом на Северном Кавказе, как и многие другие проблемы, были решены быстро и радикально. После ряда местных запретительных

¹² Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX–начале XX в. М., 1985. С. 145–146.

¹³ ЦГА КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2175. Л. 103, 104.

¹⁴ Luzbetak L.J. Marriage and Family in Caucasia. A Contribution to The Study of North Caucasian Ethnology and Customary Law. Vienna, 1951; Смирнова Я.С., Тер-Саркисянц А.Е. Семья и семейный быт. Формирование, тип и структура. М., 1996.

¹¹ ЦГА КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-об.

постановлений на регион было распространено действие УК РСФСР об уголовном преследовании за так называемые бытовые преступления (позднее – “преступления, составляющие пережитки родового быта”, еще позднее – “преступления, составляющие пережитки местных обычаев”). В УК 1928 г. все они были сведены в одну 10-ю главу, устанавливавшую санкции за похищение и приравненное к нему принуждение женщины к вступлению в брак (лишение свободы на срок до 2 лет), уплату и получение брачного выкупа (лишение свободы или принудительные работы сроком до 1 года), многоженство (санкция та же) и брак с несовершеннолетними или малолетними (соответственно 2 года и 8 лет). Кровомщение по-прежнему каралось как умышленное убийство, но в гл. 10 УК вошли также санкции за уклонение от примирения и за получение компенсаций. Одновременно в УПК РСФСР была введена статья, разрешавшая возбуждать по всему кругу бытовых преступлений публичное обвинение, независимое от жалобы пострадавших. Только в УК Российской Федерации эти статьи были сняты.

При предварительном обсуждении некоторых норм в регионе возникали неожиданные осложнения. Население, в том числе многие женщины, протестовали против отмены брачного выкупа, не без основания считая, что это скажется на выдаче приданого¹⁵. Раздавались голоса против преследований за многоженство, так как лишение свободы мужей отражалось на материальном положении жен и детей. Особое недовольство вызывало незнание законодателями местной специфики, что, в частности, хорошо видно на примере уголовного преследования всех видов похищения невест. Между тем брак уводом в те годы часто имел прогрессивное значение, так как был институционализированным протестом против деспотических порядков в семье. Тем более не содержал в себе ничего криминального брак уходом. Преследование двух ненасильственных форм похищения по закону было настолько абсурдно, что первый съезд советов Ингушетии при всем своем пиетете к центральным властям предложил разграничить похищение дневные и ночные (днем обычно совершались насильственные похищения, ночью – браки уводом и уходом). Тот же съезд решил на предложение небольшого компромисса – сохранение “условного” калыма размером в 25 коп.¹⁶

Жизнь показала непродуманность и спешность большинства норм гл. 10 УК. Несмотря на все требования центральных и местных властей

ввести эти нормы в судебную практику, а также несмотря на отдельные показательные суды и демонстративно суровые приговоры, традиционные предписания адатов и шариата продолжают широко бытовать и в настоящее время, уйдя в подполье. Брачный выкуп никогда не выходил из обыкновения: он только был более скрытым во времена преследований и становится более явным во времена относительной либерализации. Так же обстоит дело с многоженством на востоке региона: тот, кто уже состоял в полигинных союзах, фиктивно расторгал один из браков; тот, кто в них только вступал, обходился без официального оформления. Многоженцы, опасаясь своих односельчан, проживают с разными женами врозь, часто поочередно. Нередкие случаи многоженства можно встретить у дагестанцев, чеченцев и ингушей¹⁷. Еще проще обходят запреты на брак с несовершеннолетними: такие браки до поры не регистрируют. Несколько сложнее ситуация с браками умыканием и уводом. Первые и раньше рассматривались как противоправные действия, вторые, по адатам, как “полупротивоправные”. Но в условиях местного менталитета первые, как правило, а вторые всегда заканчиваются примирением сторон по причинам, упоминавшимся раньше.

Не изменилась даже ситуация с кровомщением и возмещением за кровь или какой-либо ущерб. Как уже говорилось, самого убийцу в большинстве случаев выдавали властям, но кровнические отношения между его родней и родней убитого сохранялись. Если враги под влиянием старейшин или духовенства решают помириться, то по-прежнему сохранялись те или иные формы компенсаций, а также древние местные ритуалы и формулы, сопровождающие примирение. Различие состоит лишь в том, что, не желая прямо нарушать закон, запретные действия совершают не публично, а в более или менее скрытом виде.

Таким образом, радикальное законодательство в этой сфере быта и сопровождавшие его показательные меры на деле мало что дали. Несомненно, результат был бы другим, если бы во всех этих пертурбациях первых десятилетий существования советской власти хотя бы как-то учитывались возможности, открываемые юридической этнологией, и накопленный ею опыт. По этому поводу можно сказать многое. Этнологи права знают, что в законодательстве нельзя игнорировать особенности разных субрегионов и традиции разных народов (включая специфику их полиюридизма) и вводить единообразные, одинаково рассчитанные на все и вся нормы. В полиэтничной и поликонфессиональной, а стало быть,

¹⁵ ЦГА АР. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 302. Л. 7.

¹⁶ Там же. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 121. Л. 67; ЦГА ЧР. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 1158. Л. 45.

¹⁷ См.: Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С. 45–46; Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Семейно-бытовые традиции и быт семьи // Семья. Традиции и современность. М., 1990. С. 84.

обычно и полинормативной среде особенно ошибочно не различать юридические и просто нормативные явления, явления первичные и вторичные, спонтанно возникшие и стимулированные, социально опасные и относительно нейтральные.

Вот несколько примеров. Юридическая этнология дает представление о том, когда при улаживании конфликтов необходимо обратиться к правоохранительным органам, а когда достаточно прибегнуть к посредничеству старейшин или духовенства (в частности, при тех же кровных расправах). То же относится к обычаям, связанным с вступлением в брак. Нельзя говорить о похищении невест вообще: если умыкание – предмет компетенции уголовного права, то брак уводом, а тем более уходом – всецело дело самих заинтересованных сторон, т.е. семей жениха и невесты и их родни, а также неизменно привлекаемых к решению вопроса старейшин или духовных лиц. Не следует подходить с одними и теми же мерками, с одной стороны, к центральной части региона (чеченцы, ингуши, осетины), где кровная месть, можно сказать, сохраняет свои позиции, с другой, – к востоку и западу (народы Дагестана, адыги, карачаевцы, балкарцы), где она имеет, скорее, случайный, эпизодический характер. Ясно, что в первом случае она намного более социально опасна, чем во втором. Было бы ошибочным ставить в один ряд такие первичные явления, как неполноправие женщины, и такие вторичные, как предписания шариата о той или иной степени закрытия женщиной некоторых открытых частей тела (“О пророк, скажи своим женам, дочерям и женщинам верующих пусть они сближают на себе свои покрывала” – Коран, 33.59). Необходимо учитывать и характер полиюридизма. В издавна исламизированном Дагестане и примыкающих к нему Чечне и Ингушетии шариат явственно преобладает над адатами, а в адыгских землях и тесно связанных с ними Карачае и Балкарии до сих пор наблюдается известное противостояние и диффузия обычного и мусульманского права. Влияние российского законодательства, обращение к относительно новоявленному судопроизводству, отношение ко всему этому общества также до настоящего времени неодинаковы в разных субрегионах Северного Кавказа.

При сопоставлении спонтанно возникших и стимулированных явлений многое дает сравнительная этнология права. Известно несколько опытов рецепции западного законодательства на Ближнем Востоке. Один из них – ситуация в Турции, где в 20-х годах нормы шариата были заменены нормами швейцарского права. Это повело к тому, что, кое-как привившись в городах, они остались практически нереализованными в сельской местности. В шахском Иране 60-х годов получилось еще хуже: юридические нововведения стали одной из причин острой протестной реак-

ции, поставившей страну в ряд наиболее фундаменталистских исламских государств. В этнологии и культурологии хорошо известно, что всякая результирующая рецепция имеет успех лишь тогда, когда общество-реципиент в социально-экономическом и идеологическом отношении подготовлено к заимствованию¹⁸. Поэтому более продуктивной оказалась частичная рецепция западного права в Египте, Ираке, Сирии, Ливане, Иордании, Алжире, Марокко, Мавритании. Особенно характерна в этом отношении Иордания. Здесь одни сферы права регулируются новыми, европеизированными нормами, другие – шариатом, а в кочевых племенах продолжают официально действовать древние урфы (адаты)¹⁹.

Каковы же перспективы юридической этнологии на Северном Кавказе? Что, в частности, может она дать для понимания и оптимизации ситуации в этом регионе в обозримом будущем? В этом отношении, на наш взгляд, ключевое значение имеет пожелание генерала Р.С. Аушева, высказанное в начале 1997 г. в одном из его телевизионных выступлений в Москве. Суть дела состоит в том, что в условиях подъема национального самосознания на Северном Кавказе современное правотворчество должно учитывать не только федеральные, общероссийские правовые принципы, но и местную этническую специфику, отраженную в традиционных системах права. *De facto* этот процесс уже начался: не только в Чечне, но и в Ингушетии действуют шариатские суды, рассматривающие гражданские (в особенности брачно-семейные) тяжбы, а в некоторых областях быта (например, при улаживании кровных распрей) оживилась также деятельность фамилно-патронимических судов старейшин, руководствующихся адатами. Не исключено, что такой ренессанс традиционных систем права выйдет за границы Чечни и Ингушетии, перекинувшись в первую очередь на уже упоминавшиеся наиболее приверженные к религии народы соседнего Дагестана.

При этих обстоятельствах перед юридической этнологией встают крупные теоретические проблемы аксиологического характера. В этнологии и культурологии XX в. существует оппозиция: культурный абсолютизм и культурный релятивизм. Культурный абсолютизм восходит к Аристотелю, но по-настоящему актуальным стал только в новое время, когда в вырвавшейся вперед капиталистической Европе возникла идеология европоцентризма и абсолютизации культурных, в том числе нормативных, ценностей запад-

¹⁸ См.: Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (Проблемы исторических контактов). М., 1978. С. 230–239.

¹⁹ См.: Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986. С. 100–101.

ной (христианской) цивилизации. С этой точки зрения кровная месть или принятие возмещения за кровь, брачный выкуп или многоженство – явления, бесспорно, отрицательные. Культурный релятивизм молже. Он представляет собой реакцию на европоцентризм, связанную с активизацией национальных движений во внеевропейском мире, и с возникновением своего рода “комплекса вины” в этнологии стран-метрополий. С точки зрения культурного релятивиста, сопоставление культур и культурных явлений разных народов вообще невозможно: каждая культура представляет собой целостную систему, обеспечивающую существование народа, а стало быть, культурные ценности всех времен и народов равноценны²⁰. Для культурных релятивистов кровная месть или многоженство имеют такое же право на существование, как и институционализированный суд или единобрачие. Нормативная сфера обеих концепций, включающая право, мораль, этикет, может быть, наиболее показательна.

В теоретической литературе Запада с его уже отмеченным “комплексом вины” в настоящее время преобладает культурный релятивизм. Стал он распространяться и в отечественной этнологии, отчасти как дань моде. В то же время в нашей литературе не раз отмечалось, что как тот, так и другой подход имеют свои сильные и слабые стороны, и содержащиеся в обеих концепциях рациональные зерна не следует абсолютизировать²¹. Сегодня в связи с ситуацией в Чечне и отчасти в Ингушетии, а также ввиду эвентуальных конфликтных ситуаций в соседних республиках Северного Кавказа настала пора перевести вопрос в практическую плоскость.

Юридическая этнология знает немало примеров не только полиюридизма, но и того, как право самых развитых стран содержит нормы традиционных правовых систем. В Швейцарии домовладелец вправе сам устанавливать правила внутреннего распорядка, так как Гражданский кодекс этой страны признает патриархальный институт домашней власти. В Китае и Японии до самого последнего времени с санкции судебных органов допускалась кровная месть. Во всех цивилизованных странах законодательство в какой-то степени допускает принцип компенсаций, когда причиненный пострадавшему телесный ущерб

оценивается в денежном исчислении. Почему же в такой полиэтничной и поликонфессиональной стране, как Россия, не встать на этот путь более последовательно, т.е. учесть в федеральных кодексах местную специфику? Либо, встав на другой путь, допустить полиюридизм, разграничив сферы компетенции разных систем права?

Это представляется оправданным по трем причинам. Во-первых, такие, к примеру, черты местной специфики, как брачный выкуп, многоженство, похищение (но не умыкание!) невест, более ранние браки акселерированных девушек, те или другие формы закрывания женщин этически нейтральны. Во-вторых, соответствующие обычаи все равно существуют *de facto*, причем даже не тайно, а явно, и символический запрет их в законодательстве воспринимается как пренебрежение к народным или конфессиональным традициям. Небезынтересный штрих: в 1996 г. в верховном законодательном органе Чечни обсуждался вопрос о легализации многоженства, и он был решен отрицательно с перевесом всего лишь в два голоса. И, наконец, в-третьих, узаконение местных юридических традиций важно также потому, что сейчас на значительной части территории региона образуется некий правовой вакуум. Импортированные нормы теряют авторитет, местные нормы не легализованы. Одно из последствий этого – правовой беспредел. В начале 1997 г. в Буйнакске (Дагестан) самосудом заживо сожгли похитителя малолетней девочки.

Не менее важно другое. Учет в правотворчестве местной специфики во многом определит то, какую позицию займут мусульмане республик Северного Кавказа. Куда они качнутся – к чеченскому варианту или к сохранению *status quo* в отношениях с Российской Федерацией, к мусульманскому фундаментализму или к европейской (евразийской?) цивилизации? Тем самым вопрос стоит и о целостности России, которая в настоящее время может быть достигнута только очень гибкими политическими методами и столь же гибким подходом к правотворчеству.

Разумеется, рецепты этнологии права – далеко не единственное, что определит этнополитическую ситуацию в регионе. Очень большое значение будут иметь другие факторы. Среди них и исключительная полиэтничность Дагестана, а в какой-то мере и Карачаево-Черкесии, затрудняющая консолидацию их народов, и малочисленность карачаевцев или балкарцев, резко отличающая их от чеченцев. Но в ряду факторов, которые необходимо заблаговременно предусмотреть, немалую роль играет также этноправовая политика России.

²⁰ См.: *Herskovits M. Cultural Relativism*. New York, 1972; *Першиц А.И.* Проблема аксиологических сопоставлений в культуре // Сов. этнография. 1982. № 3.

²¹ *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М., 1978; *Артановский С.И.* Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967; *Смирнова Я.С., Першиц А.И.* Избегание: формационная оценка или “этический нейтралитет”? // Сов. этнография. 1978. № 6.